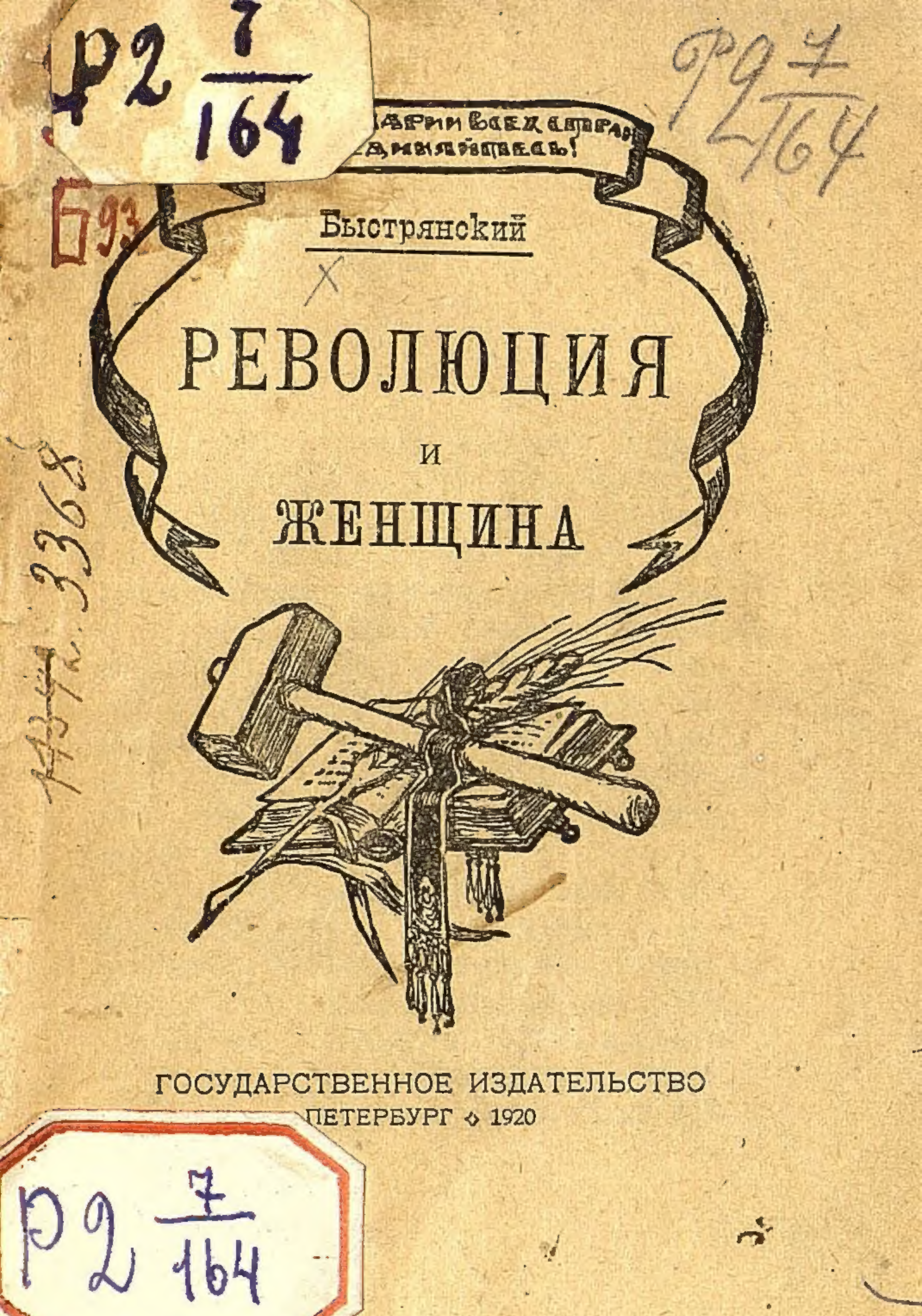
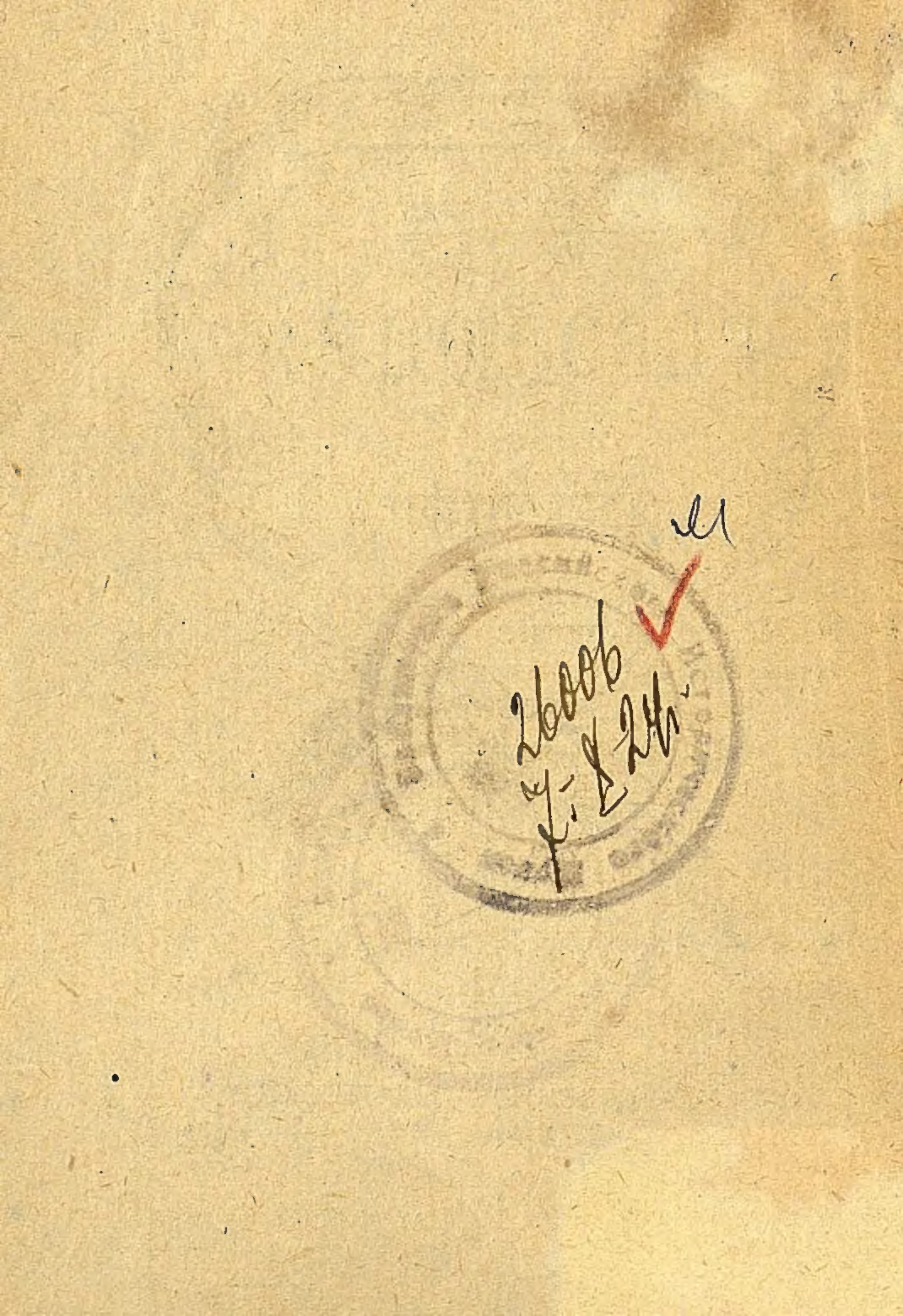

Быстрянский

Революция и женщина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ◊ 1920

I.

Великий утопист Шарль Фурье, один из предтеч научного социализма, в своей знаменитой «Теории четырех движений», писал: «Общественный прогресс и смена периодов происходят на почве прогрессивного раскрепощения женщины, регресс и упадок социального строя—на почве закрепощения женщины,—вот общая формула... Расширение прав женщины является главным основанием всякого социального прогресса».

Пролетарская диктатура, этот переходный период от капитализма к социализму, в России является блестящим оправданием мыслей Фурье. Тот громадный скачок, который сделала Россия в области социального и политического быта, может быть ни на чем

*

так резко не сказывается, как на изменении положения женщины. С началом осуществления социализма, с началом перехода к коммунизму, само собою осуществляется все, что было прогрессивного в идеалах буржуазных феминисток. Рухнули гнет домашнего рабства, семейного угнетения женщины, цепи, выкованные столетиями порабощения.

Но социалистическая республика не только уравнивает женщину с мужчиной в экономической жизни, она также гарантирует ей одинаковую с ним плату за труд, в чем ей всегда отказывало буржуазное общество, хотя бы и самое демократическое.

Советская республика прилагает систематические усилия не только к тому, чтобы применять женский труд во всех тех местах, которые искони считались привилегией мужчин, но и к тому, чтобы привлечь женщину к общественной работе.

Еще Фурье спрашивал: «Разве мало есть женщин и детей, которые могли

бы заменять мужчин на таких легких конторских и хозяйственных должностях?»

Но советская республика привлекает женщину даже к высшим отраслям общественной работы. Она хочет приучить их к самой трудной, к самой ответственной работе.

Так падают распространившиеся буржуазными феминистками басни о том, будто бы угнетенное положение женщины является следствием не классового неравенства, а порабощения слабого пола сильным.

Победивший пролетариат впервые раскрывает широкую дорогу женщине.

Жизнь показывает, как правы были марксисты, когда говорили, что победа пролетариата, так сказать, автоматически поведет к уничтожению всякого угнетения и всякой эксплоатации,—как угнетения одной нацией другой, так и угнетения одного пола другим.

Победа пролетариата равнозначна торжеству всех угнетенных, уничтожение классового рабства равносильно

освобождению человечества от всех цепей, наложенных на него историей.

В самой «демократической» буржуазной республике женщина порабощена,— она большей частью лишена даже тех избирательных прав, предоставлением которых рабочему буржуа хотят маскировать его экономическое угнетение.

Только советская республика, республика трудящихся, несет свободу трудящейся женщине, наравне со всеми трудящимися, — действительную свободу не на словах, а на деле!

II.

И освободительные движения буржуазных классов связаны с участием в них «женского фермента», как выражался Маркс.

Когда в 70—80 годах XVIII века колонисты Северной Америки вели борьбу за освобождение от английского владычества, американские женщины раздували в сынах своей родины вражду против поработителей.

Как только было созвано во Франции Национальное Собрание в 1789 г., женщины в ряде петиций потребовали признания государством их права на образование. Национальное Собрание и Конвент сделали первые шаги для женского начального образования.

В Национальное Собрание явилась депутация трудящихся женщин, которая жаловалась на свою нужду и просила о помощи в деле урегулирования условий женского труда.

Женщины приняли деятельное участие в революционной агитации времен революции. Олимпия де-Гуж в своем воззвании к женщинам потребовала их политического равноправия. «Все граждане и все гражданки,—говорилось в нем,—должны сообразно с их способностями иметь одинаковый доступ ко всем общественным должностям, отличиям и профессиям». За этим манифестом последовала масса петиций в Национальное Собрание, требовавших политического и социального равноправия для женщин.

Но только отдельные деятели великой революции, подобно Кондорсе, требовавшему для женщины гражданских прав, были готовы идти навстречу движению. Линия политики нового класса, пришедшего к власти, характеризуется постановлением Конвента о закрытии женских политических обществ.

И если последовательница «женского вопроса» Лилли Браун писала, что «конец XVIII века был для женщин одной из самых важных исторических эпох, то новый класс, в руки которого от феодального дворянства перешла гегемония общественной жизни,—буржуазия, не распространила добытых ею для себя прав на целую половину человеческого рода.

Великая буржуазная революция, законом Шепилье 1791 года лишившая рабочих права союзов и стачек, ограничила политические права только мужским полом.»

Так принципы «свободы, равенства и братства», возвещенные идеологами

нового движения, были ограничены применением их не только к одному классу, но и к одному полу.

И та самая капиталистическая демократия, которую ее рыцари, вроде Каутского, противопоставляют, как идеал, рабочему государству, очень мало изменила в этом положении дел, ее законодательство, ее семейное и брачное права не только сохраняют самые возмутительные пережитки бесправия женщины, но и создают новые права ограничения.

Весьма любопытный пример подобного положения вещей приводит известный социал-реформатор австрийский профессор Антон Менгер в своей книге «Новое учение о государстве»:

«Мужчины состоятельных классов народа, которые держат в своих руках все законодательство, сильно заинтересованы в том, чтобы половые отношения с женщинами неимущих классов, которыми они дополняют свою половую жизнь до брака и в браке, носили характер свободной любви и не требо-

вали от них больших жертв. Против этих порицаемых и нашей современной моралью стремлений убежденно и энергично восставали и средневековое церковное право, и судебное право Германской империи, и даже прусское государственное право. Но полной победы добилась эта тенденция в законодательствах Франции, Австрии, Италии и Германии только в XIX веке. Чрезвычайно характерным доказательством того, какое огромное значение имеют в жизни человека половые интересы, может служить то обстоятельство, что германское гражданское законодательство приняло очень много правоположений, предложенных мною в интересах неимущих классов в различных областях гражданского права, но из самых умеренных моих проектов реформирования положения внебрачных детей не было принято (за ничтожными исключениями) ничего».

Только социалистическая революция XX века, носителем и агентом которой является созданный капитализмом ра-

бочий класс, кладет конец подобным порядкам.

Наиболее угнетенный и эксплоатируемый класс современного общества—пролетариат, освобождая себя, уничтожая эксплоатацию одного класса другим, разрушая классовое общество, в то же время раз навсегда полагает конец и всем прочим видам эксплоатации и угнетения, угнетению одной нации другой, одного пола другим.

Пролетариат не может освободиться сам, не освобождая от оков всяческой зависимости всех страждущих и обремененных.

И рабочая революция несет поэтому женщине освобождение не только, как члену класса, угнетаемого капиталом, но и как представительнице пола, обреченного на бесправие в классовом государстве.

В царстве победившего пролетариата нет и не может быть места ни для каких форм зависимости, гнета и насилия.

Пролетарская революция несет с собой полное осуществление не на словах, а на деле тех идеалов свободы, равенства и братства, которые были выставлены еще буржуазными просветителями.

И советская республика России, эта первая ступень к реализации возвещенных пролетариатом идеалов, раскрепостила трудящуюся женщину от всех уз векового бесправия, дав ей те же права и возможности, что и мужчине.

III.

«Республика не поняла женского достоинства и признала ее равенство с мужчиною только перед палачом. Это было одним из крупных недочетов революции»,—пишет Луи Блан о великой французской революции (Луи Блан, «История французской революции», С.-Петербург 1908 г., том VII, стр. 372).

Все же французская женщина из среды трудящихся вписала незабыва-

емые по своему героизму страницы в историю величайшей буржуазной революции.

Маркс в «Гражданской войне во Франции» в теплых выражениях характеризовал парижских коммунарок. «Кокотки последовали за своими покровителями, за этими обратившимися в бегство столпами семьи, религии и особенно собственности, в Версаль. Их место заняли снова истинные парижанки, такие же героические, великодушные и самоотверженные, как женщины классической древности».

Французский историк Мишле не понимал экономической подоплеки революционных движений, ему было чуждо понимание механизма классовой борьбы, но тем не менее он прекрасно улавливал внутреннюю жизнь подлинного героя французской революции—трудящейся и эксплоатируемой массы—драматизм народных движений.

Мишле принадлежит и книжка «Les femmes de la revolution», Paris 1898 г., «Женщины революции», в которой он

бросает свет на роль женщины в перипетиях великой революционной драмы.

Мишле повествует о роли женщины в событиях 6 октября 1789 г., когда король Людовик XVI был вынужден переселиться из Версаля в Париж. Мужчины,—пишет Мишле,—«создали 14 июля, женщины—6 октября; мужчины взяли королевскую Бастилию, женщины взяли самую королевскую власть, передали ее в руки Парижа, т.-е. революции.

«*Женщины находились в авангарде нашей революции;* этому не следует удивляться,—они страдали больше.

«Большие беды жестоки, от них страдают дети, женщины больше, чем мужчины».

И, возвращаясь к той же теме, Мишле пишет: «Революция 6 октября—необходимая, естественная и законная, если только такие бывали — вполне самопроизвольная, непредвиденная, подлинно народная,—принадлежит главным образом женщинам, как революция 14 июля—мужчинам. Мужчины

взяли Бастилию, женщины взяли короля».

А вот, как Мишле описывает настроение женщин в провинции в 1790 г., во время праздника федерации: «Девушки и женщины Анжера клялись выходить замуж только за хороших граждан, любить только мужественных, соединять свою жизнь только с теми, которые отдают свою жизнь Франции. Как видно из тех письменных документов, они проявляют тут больше стремительности, больше горячности, чем сами мужчины, больше нетерпения дать гражданскую клятву».

А вот что говорит Мишле о якобинских обществах: «Много женщин вступало в эти общества, женщин вполне серьезных, со всей горячностью их женских сердец, со слепой преданностью, смешанной из чувства и идей с духом прозелитизма, со всеми страстями средневековья на службе у новой веры».

А затем Мишле рисует картину якобинского общества в Париже, в улице Сент-Оноре.

«Блестящая ассоциация якобинцев этой эпохи, насчитывающая толпу знатных лиц и всех литераторов эпохи, занимает церковь, принадлежавшую прежде монахам, а под церковью в своего рода хорошо освещенной пещере находит себе приют братское общество рабочих, которым в известные часы якобинцы объясняют конституцию, вопрос о продовольствии, общественной безопасности. Рабочие не приходят одни: со своими мужьями приходят женщины в тревоге, матери семьи, побуждаемые домашними страданиями, потребностями своих детей, они справляются о положении, задают вопросы о бедствиях, о средствах к их устранению... Кто страдал больше, чем они во время революции, кто находил более долгими месяцы, годы! В это время они были более энергичны, чем мужчины. Марат вполне доволен ими (30 декабря 90 г.): он любит противополагать энергию этих женщин из народа, из подземелий бесплодной болтовне якобинского общества».

Жирондистка г-жа Ролан понимает неизбежность жестокостей революции. «Даже гражданская война,—говорит она,—как бы она ни была сурова, подвинула бы вперед возрождение нашего характера и наших нравов. Нужно быть готовым ко всему, даже к тому, чтобы умереть без сожаления» (5 мая 1791 г.).

Но если женщина принимала участие в борьбе на стороне революции, то с другой стороны она же являлась могучим агентом контр-революции.

Вандея, темная крестьянка, сыграла не последнюю роль.

И Мишле останавливается и на выяснении той роли, которую женщины сыграли в подготовке контр-революции.

«Заметьте, что без женщины священник ничего не мог бы сделать. «А, разбойницы!» сказал однажды вечером республиканский командир, прибыв в деревню, где оставались одни женщины, после того как в этой ужасной войне погибло столько мужчин. «Это женщина, сказал он, является

причиной наших несчастий, без женщины республика установилась бы уже».

В Анжере женщины жестоко поплатились за свое участие в гражданской войне. После сражения при Монсе много десятков женщин были немедленно расстреляны.

Республиканская власть в эпоху террора единодушно предписывала в качестве гарантии цивизма строгость нравов. Моральная цензура осуществлялась не только магистратами, но и народными обществами. Больше чем один раз дела о прелюбодеянии разбирались в коммуне и у якобинцев. Те и другие решают, что безнравственный человек подозрителен. Никогда ни одно правительство не преследовало более сильно публичных женщин.

Этим объясняется помощь девушкам-матерям со стороны правительства Конвента.

Балы и игорные дома (синоним публичных домов) мало-по-малу исчезли.

«При этом суровом правительстве женщины могли быть только супругами и матерями», — говорит Мишле.

Зарождавшийся еще только в то время промышленный пролетариат не играл самостоятельной роли в великой революции. Соответственно этому и женщины-работницы не могли играть в ней той роли, какая выпала на их долю в эпоху коммуны.

IV.

Чем дальше идет русская революция, тем глубже она захватывает трудящиеся массы, тем большее участие принимает в ней женщина-работница,— она берет на себя все более ответственные обязанности в тылу, самоотверженно работая в то же время и на фронте.

Участие трудящейся женщины в революционной работе тем более необходимо, что в. противном лагере—в стане помещиков и капиталистов—

женщины играют не малую роль, как показывают раскрываемые нами белогвардейские заговоры.

Женщина из имущих классов цепко держится за свои привилегии и вступает в активную борьбу за них.

Так было и во время великой французской революции, когда женщины-аристократки принимали живейшее участие в гражданской войне.

Вот как описывает Луи Блан участие женщин в Вандее, этом восстании темной, нафанатизированной духовенством крестьянской массы, поднятом помещиками против французского народа:

«В самом разгаре схватки погибла молодая крестьянка из Курале, по имени Жанна Робен, бросившаяся в драку, как бешеная. Среди синих (республиканцев) она считалась сестрою Лескюра, а вандейцы признавали ее своею Жанною Д'Арк. В куртке из пестрой бумажной материи, какие носили солдаты, она дралась в Туаре с яростью, близкою к безумию. Держась

около Лескюра, она кричала ему: «Вы не обгоните меня, генерал, я всегда буду ближе к синим, чем вы». И Жанна Робен была не единственной представительницей своего пола в этой страшной войне. У д'Эльбе, в числе барабанщиков его армии, находилась маленькая тринадцатилетняя девочка, которая была убита в бою под Люсоном. В дивизии Жюли красивая тридцатилетняя женщина, г-жа Больи, командовала ротою, состоявшею у нее на жалованьи. Храбрость вандейских женщин бывала иногда не лишена свирепости: доказательством тому служит та женщина, которая, встретив своего дядю во главе республиканской роты, похвалялась потом тем, что «снесла ему голову, не дав ему пикнуть». Звали ее Рене Бордеро, а прозвищем ее было Анжуец, и, если верить ее собственному показанию, ей довелось в сражении под Пон-Де-Се одной зарубить двадцать одного «синего» («История французской революции», т. IX, стр. 289).

А вот что Луи Блан пишет о другой вандейской героине:

«Что касается другой героини, Марии Антуанетты, вступившей на тот же путь, то она прошла этот путь такою гордою поступью, что очарованные крестьяне (вандейцы) прозвали ее кавалером Адан, и что, попав во власть республиканцев, она удостоилась чести быть расстрелянною» (т. VIII).

Женщины из третьего сословия (буржуазии) не проявили в ту эпоху той энергии в борьбе за свое право, что их антагонистки из аристократического лагеря.

Зато ныне, в период революции социалистической, русская пролетарка с неизмеримо большим пылом будет биться за равное право для всех, чем представительницы господствующих классов за свои привилегии!..

V.

В настоящем фазисе российской социалистической революции, когда муж-

ской пролетариат весь становится под ружье для обороны страны, трудные и ответственные задачи выпадают на долю женщин-работниц. Они должны заменить мужчин на занимаемых ими постах в тылу, они должны помочь им в той геройской борьбе, которую они ведут на фронтах.

Небезынтересно поэтому вспомнить теперь о той роли, которую женщина-работница сыграла в Парижской Коммуне, этом первом всемирном историческом стане в борьбе пролетариата за завоевание политической власти.

Героизм парижских коммунаров записан на скрижалях истории.

Маркс в своей работе «Гражданская война во Франции» говорит о «самоотвержении, с которым весь парижский народ—мужчины, женщины и дети—еще целую неделю сражался после того, как версальцы ворвались в город. Он указывает также на «безразличное отношение палачей к полу и возрасту жертв» после разгрома Парижской Коммуны.

Враг сумел оценить великую роль парижской коммунарки—ибо он щадил парижскую работницу так же мало, как и парижского рабочего! Коммуна за короткий срок успела много сделать для работницы.

Артур Арну в своей «Народной истории Парижской Коммуны» пишет:

«Никогда не было сделано так много для того, чтобы возвысить женщину, никогда не ставили ее более решительно на равную ногу с мужчиной.

«Кроме того, ни одно правительство, ни одна революция так искренно братски не протягивала руку женщине, как Парижская Коммуна, социальная революция 18 марта».

И парижские пролетарки знали, что дело Коммуны—их собственное дело.

«Женщины поняли это,—продолжает Арну.—Никогда с большей энергией, в большем количестве не присоединялись они к политическому движению, и никогда, с другой стороны, враги не проливали их кровь в таком изо-

билии с более гнусной жестокостью, с более хищной яростью».

А Лиссагаре в своей «Истории Коммуны 1871 года» говорит о «великом пламени Парижа», скрывавшем от глаз все недостатки коммунального устройства. «Кто не горел этим пламенем, тот не сумел его описать. Рядом с ним коммунальные газеты, несмотря на свой романтизм, кажутся тусклыми. Сцена слишком проста: по улицам, по молчаливым бульварам идет в бой или возвращается с него батальон в сто человек, его провожает женщина, прохожий выразит одобрение, — вот вся драма этой революции, простая и гигантская, как драма Эсхила».

И в прекрасных словах Лиссагаре рисует героический облик коммунарки.

«Женщина, которая им кланяется и их провожает — храбрая, настоящая парижанка. Наглые существа, недостойные названия женщины, порожденные грязью империи, последовали за своими клиентами в Версаль или начали разработку золотоносной прус-

ской жилы в Сен-Дени. Та, которая осталась на мостовой, теперь сильная, преданная, трагическая женщина, умеющая умирать так, как она любит, дитя той чистой и благородной струи, которая с 89-го года бьет живым ключом в народных глубинах. Товарищ в труде, она хочет разделить и смерть».

«Если бы французская нация состояла только из женщин, какая бы это была страшная нация», — писал корреспондент «Тана». 24 марта один федералист сказал буржуазным батальонам мэрии 1-го округа следующую фразу, заставившую их опустить оружие: «Верьте мне, вам не по силам борьба с нами: все ваши жены в слезах, а наши не плачут».

Коммунарки поддерживали своих мужей в их великой борьбе. «Она не удерживает своего мужа,—говорит Лиссагаре,—наоборот, побуждает его сражаться, носит ему на траншеи белье и суп, как прежде носила ему в мастерскую. Многие не хотят возвращаться и берутся за ружья. 4 апреля на плато

Шатильона они участвовали в перестрелке. Маркитантки одеты в простые рабочие костюмы работниц. 5 апреля в Медоне маркитантка 66 батальона, гражданка Лашез, оставалась целый день на поле битвы, перевязывая раны почти одна без доктора.

По возвращении они взывают к преданности, собирают своих товарок вокруг комитета X округа, расклеивают трогательные прокламации: «Нужно победить или умереть». Некоторые говорят: «Какое мне дело, победим мы или нет, если я должна потерять тех, кого я люблю. Знайте, что единственный способ спасти близких вам, это броситься самим в борьбу». Они предлагают свои услуги Коммуне, требуют оружия и боевых постов, возмущаются трусами. «У меня сердце обливается кровью,—пишет одна,—когда я вижу, что сражается только тот, кто хочет. Гражданин делегат, это не донос, нет, я, как гражданка, опасаюсь того, что слабость членов Коммуны убьет в зародыше все наши проекты будущего».

А вот образ одной из героинь Парижской Коммуны:

«Луиза Мишель, своими поступками и своими сердцем дочь народа, учительница XVII округа, кроткая и терпеливая с малютками, которые ее обожали, превратилась из матери в львицу за дело народа. Она организовала целый отряд сестер, которые перевязывали раненых, не обращая внимания на картечь. Они шли в госпиталь, не желая оставлять своих дорогих товарищей на руках угрюмых монахинь, и глаза умирающих оживали при шопоте их кротких голосов, говоривших о республике и надежде».

В трагические майские дни, когда войска учредилки того времени — Национального Собрания—ворвались в Париж, чтобы устроить кровавую баню парижскому пролетариату,—работница храбро сражается на баррикадах.

«На площади Бланш стоит,—писал Марото в появившемся на следующий день «Salut Publique»,—баррикада, прекрасно построенная и защищенная ба-

тальоном женщин в 120 человек. Я подхожу к ней. Черная фигура выходит из углубления ворот. Это молодая девушка в фригийском колпаке, надвинутом на уши, с шаспо в руке, с патронташом у пояса. Во вторник вечером женщины квартала Ла-Галль набивали землею мешки и ивовые корзинки для баррикады сквера Сен-Жак и Севастопольского бульвара».

И победившая буржуазия беспощадно отомстила за то парижской работнице,—она признала за ней равенство перед смертью с рабочим мужчиной.

«Тогда изобретена была,—пишет Лиссагаре,—легенда о «керосинщицах», которую подхватила пресса и за которую заплатили жизнью сотни несчастных. Прошел слух, что мегеры обливали керосином погреба и поджигали их. Всякая или плохо одетая женщина или несшая кружку, стклянку, пустую бутылку могла быть принята за поджигательницу. Ее с бешенством хватали, тащили к ближайшей стене и расстреливали».

А вот картина шествия пленных парижан, сжатых между двумя рядами кавалеристов, по версальской дороге:

«Много женщин, которые с цепями на руках; некоторые с младенцами, испуганно обнимающими материнскую шею, некоторые с разбитой рукой или в рубашке, запятнанной кровью; одни, измученные, виснут на руке своего более сильного соседа; другие спокойны, как статуи, и презирают боль и оскорбления. Все время остается сама собой эта дочь народа, которая носила хлеб на траншеи, утешала умирающих и отчаявшихся и, решив не производить более на свет несчастных, бросилась навстречу смерти-освободительнице.

«Они держались так, что вызывали изумление иностранцев и возбуждали ярость версальцев».

«Видя, как проходят конвои женщин,—говорит «Фигаро»,—чувствуешь, несмотря ни на что, некоторое сострадание».

Русская работница за два года пролетарской революции показала свою

готовность к борьбе, свою самоотверженность. Теперь, когда союзный империализм производит натиск по всей линии на советскую республику, когда враг осмеливается поднять руку на Красный Петербург,—твердыню революции,—русская пролетарка выкажет себя достойной своих славных предшественниц,—она не уступит в героизме парижской коммунарке, все свои силы она отдаст защите революции!

VI.

Наш враг—империалисты Согласия, только что разославшие всем государствам Европы и Америки ноту, ноту с требованием установления полной блокады Советской России—уже смакует близкое, по его мнению, падение Петербурга.

Летом этого года—если судить по заграничным радио—войска Юденича чуть ли не десять раз «брали» Петербург.

То же повторяется и теперь. Науэнское радио от 18 октября передает сообщение из Гельсингфорса, что «английский флот бомбардировал Кронштадт и после обстрела крепости прибыл в гавань. Юденич вторгнулся в Петербург»...

Берлинская буржуазная пресса — «Берлинер Локаль-Анцейгер», «Фоссише Цейтунг»—полагает, что за падением Петербурга скоро наступит черед и Москвы...

По мнению «Локаль-Анцейгер», «для внутреннего положения советского правительства потеря Петербурга будет решающим обстоятельством, и нужно рассчитывать при напряженном настроении в Москве на скорое падение Ленина».

Но страшен сон, да милостив Бог... За два года пролетарской диктатуры не проходило и дня, чтобы нас не хоронили наши недруги,—но советская власть продолжала жить, вопреки всем предсказаниям, продиктованным ее врагам классовой ненавистью...

Так будет и на этот раз,—слишком рано они торопятся делить шкуру живого и необычайно живучего русского медведя...

Правда, первый город революции—Петербург—является в данную минуту осажденной крепостью,—ее гарнизоном является пролетариат, населяющие его рабочие берутся за винтовку и становятся в ряды бойцов.

Рабочее население Петербурга исполнено твердой решимости уготовить в первом городе пролетарской революции могилу для белых банд, если бы им удалось сюда прорваться.

В настоящую минуту, когда питерский пролетариат отдал уже на бесчисленные фронты десятки тысяч пролетариев, значительную часть трудящегося населения города составляют женщины-работницы.

И для них найдется достаточно дела в обороне красной столицы революции.

Парижская работница в 1871 году сыграла героическую роль в защите великой предвестницы Российской со-

ветской республики, Парижской Коммуны.

И в России белые звери в минуту победы не разбирают ни пола, ни возраста своих жертв, — в Сибири, на Украйне, всюду, где временно они брали верх, они тысячами расстреливали не только рабочих, но и работниц.

В Красном Петербурге они стали бы свирепствовать более, чем где-либо,—ибо они знают, что Петербург—голова и сердце пролетарской революции.

На столбцах выходящей в Финляндии на шведском языке реакционной газеты «Хувустадбладет» некий промышленник ф.-Алфтан заявляет, что Петербург—центр большевизма в России. Он же служит и главным очагом большевистской заразы для всего мира. Чтобы нанести удар большевистскому змию, это гнездо его должно быть разрушено: большевистский Петербург должен быть взят—«delenda est».

Нет сомнения, что в Питере с рабочими белые банды расправились бы

с большей кровожадностью, чем где-либо в другом месте.

Не так давно копенгагенское «Возрождение», обсуждая перспективы промышленности в Петербурге в случае перехода его к белым, предвидело неизбежность ввоза чужеземных рабочих из-за границы.

Газета не говорила ничего о мотивах подобной меры, но они ясны и без того,—белые думают вырезать питерский пролетариат до последнего человека.

Летом этого года на страницах белогвардейской «Русской Жизни» кто-то писал о неизбежности «поголовного истребления» питерского пролетариата после победы белых.

Еще совсем недавно деникинский «Призыв» выкинул лозунг поголовного истребления всех коммунистов,—а рабочие знают, что белые палачи не делают разницы между коммунистом и просто рабочим—и со своей точки зрения они правы—они понимают, что если рабочий сегодня

еще не коммунист, то завтра он им станет...

«Победа или смерть»—вот между чем приходится выбирать питерскому рабочему, питерской работнице.

Лучше умереть в бою, чем попасть в руки белых палачей, скажет себе всякий честный рабочий, всякая работница,—и белые банды будут разбиты!

VII.

При вручении знамени отряду особого назначения при П. К. Р. К. П., состоявшемся в четверг на прошлой неделе, обращал на себя внимание своей боевой выправкой отряд вооруженных работниц.

За те недели, когда был брошен клич: «Петербург в опасности», питерская работница отдала немало сил революционному фронту в боевые и партизанские отряды.

Активное участие женщины в гражданской войне на стороне угнетенных заходит своими корнями далеко

в глубь истории,—мы не говорим уже об общественной роли парижской работницы в трагические дни Коммуны.

И предшественники современного коммунизма, признавая равенство прав обоих полов, в то же время налагали на них и равные обязанности.

Так, представитель своеобразного аристократического коммунизма греческий философ Платон, требуя уравнения женщины с мужчиной, допущения ее ко всем должностям (правда, лишь внутри класса стражей), находил, что женщины должны даже идти на войну. Воспитание им следует давать такое же, как и мужчинам.

Утописты нового времени, Томас Мор и Кампанелла, в своих картинах будущего общества также говорят об участии женщины в войне.

Вот что пишет знаменитый Томас Мор в своей «Утопии»:

«Хотя они ежедневно учатся владеть оружием, не только мужчины, но в известные дни и *женщины*, для того, чтобы знать военное дело, когда

это будет необходимо, все же они никогда не предпринимают войну иначе, как для защиты своей родины или своих друзей против несправедливых нападений или для освобождения угнетенного народа от ига тирании.

«На острове Утлиш женщинам, желающим сопровождать своих мужей на войну, не препятствуют в этом; их, наоборот, хвалят и одобряют;—в сражении они борются рядом с своими супругами, окруженные детьми и родственниками, так что те, которые находятся близко друг к другу, имеют полную возможность оказывать взаимно помощь».

Столетие спустя доминиканский монах Томазо Кампанелла рассказывает о гражданах «города Солнца», что в войне их также сопровождают вооруженные женщины, чтобы помогать, воодушевлять и перевязывать их раны.

Кампанелла несомненно помнил рассказы Цезаря и Тацита о германских варварах, смеявшихся над римскими легионерами, потому что при них не

было жен, которые могли бы присутствовать в сражении, воодушевлять их, поощрять к дальнейшему бою, в случае отступления, и перевязывать их раны.

Женщины «города Солнца», так же как и амазонки и спартанки, под руководством своих представительниц, обучаются всем военным приемам.

«Их учат, главным образом, защищать укрепления, бросать камни и горючие вещества и т. д. Та, которая обнаружит сколько-нибудь страх, строго наказывается. Принадлежащая государству область, как внутри стен, так и вне их, постоянно охраняется: ночью мужчинами, днем женщинами».

Уже начиная с эпохи средневековья женщина сражается в рядах угнетенных в дни восстаний трудящихся и эксплоатируемых.

Когда в 1304 году апостольский брат Фра-Дольчино поднял в Пьемонте вооруженное восстание против церкви и государства, собрав вокруг себя пять тысяч борцов, представлявших для того

времени значительную армию, в ней участвовали не только мужчины, но и женщины, которые, под предводительством подруги Дольчино, Маргариты, сражались, как львицы.

Как рассказывают историки про армию апостольских братьев,—так назывались коммунисты того времени,— «сестры или жены были не менее мужчин пригодны и способны на такие геройства. Они надевали мужскую одежду, становились в ряды солдат и сражались так же смело и отчаянно, как и мужчины».

Другой историк приводит следующий пример: «Однажды 200 граждан города Триверо попытались напасть на толпу дольчанистов, но были обращены в бегство тридцатью женщинами».

В XV веке богемские коммунисты-табориты в своей борьбе против церкви и господствующих классов в поход выступали с женами и детьми, подобно древним германцам.

Новый подъем коммунизма совпал с эпохой реформации.

В 1534 году анабаптисты—коммунисты той эпохи—победили в гор. Мюнстере в Вестфалии (северо-западной Германии) и организовали там мюнстерскую коммуну, которую столько обливали грязью ученые прислужники господствующих классов.

Мюнстерской коммуне пришлось отбиваться от ландскнехтов мюнстерского епископа.

По словам Каутского, в его «Истории социализма», женщины в большинстве случаев принадлежали к самым восторженным поборницам нового царствия.

Свою приверженность новому строю они доказали на деле.

Летописцы рассказывают о том, как усердно и охотно боролись женщины на городских стенах, если нужно было отбивать штурм.

Отряды женщин назначались также на сторожевую службу у ворот, они предлагали свои услуги и для вылазок против врага во время штурма города епископскими войсками.

Женщины, которые еще оставались в городе, принимали живое участие в битве. Большая часть из них была перебита озлобленными ландскнехтами.

Парижская работница в 1871 г. сыграла героическую роль в защите великой предвестницы Российской советской республики—Парижской Коммуны.

В своей «Гражданской войне во Франции» Маркс посвятил вдохновенные строки парижской работнице, геройски умиравшей в трагические дни Коммуны,—он говорит об «истинных парижанках, таких же героических, великодушных и самоотверженных, как женщины классической древности», он говорит о том, что «парижские женщины с радостью умирают и на баррикадах и на месте казни».

Как видим, у парижской коммунарки и у петербургской пролетарки имеются славные предшественницы,—в глубь веков уходит вооруженная борьба женщины за свое освобождение, об этой борьбе говорили и предшественники

социализма в своих пророчествах о будущем.

VIII.

Все глубже захватывает массы просветительная работа коммунистической партии, все более широкие слои трудящихся подымает она к советской работе.

И, может быть, ни в чем это не сказывается так ярко, как в растущем вовлечении в партийную и советскую работу женщины-пролетарки.

До самого последнего времени рабочие-мужчины составляли главную массу борцов за коммунизм.

Между тем коммунизм изменит и улучшит положение женщины в значительно большей степени, чем положение мужчин.

Полная победа пролетариата освобождает работницу не только от эксплоатации ее капиталом, но и от гнетущих, мелочных забот самостоятельного домашнего хозяйства, к которому прикована еще большая часть женщин.

На первых же съездах I Интернационала Маркс указал, что привлечение работниц на фабрики и заводы, создавая, с одной стороны, бесчисленные бедствия рабочему классу, — бедствия, с которыми нужно бороться,—с другой же стороны, выводит работницу из узкого круга семейных забот на широкую арену общественного труда и создает предпосылки, необходимые для того, чтобы работница стала борцом за революцию и коммунизм.

Коммунизм избавляет женщину от семейного рабства, уничтожая все следы правового и бытового неравенства полов в брачных отношениях, ибо, по выражению Энгельса в его знаменитой книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «моногамия есть подчинение одного пола другому... Первое разделение общества на классы совпадает с развитием в моногамии антагонизма между женщиной и мужчиной и первое подчинение одного класса другому с подчинением женщины мужчине».

Коммунизм облегчает женщине и тяжелый крест материнства, «ставя, по словам Коммунистического Манифеста, на место домашнего воспитания общественное».

Все значение коммунистического строя для трудящейся эксплоатируемой женщины скажется в полной мере только после полной победы рабочего класса,— в переходную эпоху тяготы гражданской войны заволакивают это прекрасное будущее.

Но непогрешимым классовым инстинктом трудящаяся женщина чувствует, что ее спасение в коммунизме, и все более тесными рядами сплачивается вокруг своей коммунистической партии, спешит на помощь советской власти.

VII съезд советов выбрал несколько работниц от станка в члены высшего законодательного органа республики, Всероссийского Центр. Исп. Комитета.

Всюду открыта дорога работнице,— ее дело воспользоваться созданными победой трудящихся возможностями.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 15 руб.

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26.